

Исключение и правило. Политэкономические аргументы Н.И. Зиберы против маржинализма до его триумфа

Александр Анатольевич Погребняк

Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия
e-mail: a.pogrebnyak@spbu.ru

Цитирование: Погребняк, А. А. (2020). Исключение и правило. Политэкономические аргументы Н.И. Зиберы против маржинализма до его триумфа // *Terra Economicus*, 18(3), 108–124. DOI: 10.18522/2073-6606-2020-18-3-108-124

В статье предлагается анализ критических аргументов, высказанных Н.И. Зибером в адрес концепции ценности, которая принимается экономистами субъективной школы. Эти критические аргументы Зибер высказал еще в своей диссертации, опубликованной в 1871 году. Однако они сохраняют свою силу и для маржинализма, принципы которого в основном продолжают линию субъективной школы (в числе авторов, которых цитирует Зибер, был и Леон Вальрас). В анализе позиции Зиберы принята во внимание не только логика, но и риторика его аргументации, что позволяет выявить более широкий контекст, в рамках которого эта позиция сохраняет свой актуальный характер. Взгляды сторонников субъективной школы Зибер критикует с позиций классической школы. Последняя в роли основания для формирования ценности рассматривает среднее, типическое состояние хозяйственной жизни, в то время как первая базируется на рассмотрении изолированного, исключительного момента – т.е. момента, когда имеет место радикальное изменение параметров экономической деятельности. Для описания этого «исключительного момента» Зибер использует целый ряд метафорических образов, таких, например, как осадное положение, угроза жизни и здоровью, положение переселенцев и т.п. Использование Зибером этих образов позволяет нам сравнить его аргументы с рядом важнейших положений политических теоретиков XX столетия (К. Шмитт, В. Беньямин, М. Фуко, Дж. Агамбен), связанных с такими понятиями, как «суверенитет», «чрезвычайное положение», «голая жизнь». В результате точка зрения Зиберы может быть рассмотрена как предвосхищение современной критики неолиберализма – идеологии, в рамках которой маржиналистское понимание экономики используется как важнейший ресурс для формирования биополитической парадигмы управления жизнью людей.

Ключевые слова: Зибер; маржинализм; классическая школа; субъективная школа; ценность; чрезвычайное положение; суверенитет; марксизм

Благодарность: Статья подготовлена при поддержке внутреннего гранта СПбГУ «Марксизм до марксизма: социально-экономическое и эпистолярное наследие Н.И. Зибер» (ID 53363115).

Exception and Rule. Political and economic arguments of N.I. Sieber against Marginalism before its triumph

Aleksandr A. Pogrebnyak

St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia
e-mail: a.pogrebnyak@spbu.ru

Citation: Pogrebnyak, A. A. (2020). Exception and Rule. Political and economic arguments of N.I. Sieber against Marginalism before its triumph. *Terra Economicus*, 18(3), 108–124. DOI: 10.18522/2073-6606-2020-18-3-108-124

The article proposes an analysis of the critical arguments expressed by N.I. Sieber regarding the concept of value, which is accepted by economists of the subjective school. Sieber made these critical arguments in his dissertation, published in 1871. However, they remain valid for Marginalism, the principles of which basically continue the line of the subjective school (Leon Walras was among the authors cited by Sieber). In the analysis of Sieber's position, not only logic was taken into account, but also the rhetoric of his argumentation, which makes it possible to identify a broader context within which this position remains relevant. Sieber criticizes the views of economists of the subjective school from the standpoint of the classical school. The latter, as the basis for the constitution of value, considers the average, typical state of economic life, while the former is based on the consideration of an isolated, exceptional moment – that is, the moment when a radical change in the parameters of economic activity takes place. To describe this «exceptional moment», Sieber uses a number of metaphorical images, such as state of siege, threats to life and health, the situation of immigrants, etc. Sieber's use of these images allows us to compare his arguments with a number of the most important positions of political theorists of the 20th century (K. Schmitt, W. Benjamin, M. Foucault, G. Agamben) associated with such concepts as «sovereignty», «state of exception», «bare life». As a result, Sieber's perspective can be viewed as an anticipation of the modern criticism of neoliberalism – an ideology in which the marginalist understanding of the economy is used as an essential resource for the formation of a biopolitical paradigm for managing people's lives.

Keywords: Sieber; marginalism; classical school; subjective school; value; state of exception; sovereignty; Marxism

Acknowledgement: The article was written with the support of an internal grant from St. Petersburg State University, «Marxism before Marxism: the socio-economic and epistolary heritage of Nikolaj Sieber» (ID 53363115).

JEL codes: B12, B14, B31

Введение

Имя Н.И. Зибер знакомо сегодня лишь узкому кругу специалистов по истории экономической мысли. Но интерес к истории идей не может быть исключительно антикварным – ценность идей, в каком бы далеком прошлом они впервые ни были высказаны, состоит в том, чтобы указывать на те развилки исторического пути, где их содержание не было по тем или иным причинам актуализировано и было отложено до будущих времен. Вот почему в обращении к интеллектуальному наследию прошлого необходимо, по известному выражению В. Бенямина, «чесать историю против шерсти» – взламывать наше привычное представление о времени как о некоем однородном континууме и осуществлять в его обход прямую коммуникацию запросов прошлого и той способности на эти запросы отвечать, которая возникает, возможно, впервые именно сегодня. Такой метод может быть назван *критической герменевтикой*: смысл прошлого может быть «разгерметизирован» только в моменты кризиса, переживаемого в настоящем.

Заголовок данной статьи отсылает к названию выдающейся книги А.О. Хиршмана «Страсти и интересы. Политические аргументы в пользу капитализма до его триумфа» (Хиршман, 2012). Мотивировано это тем, что Зибер в своей диссертации «Теория ценности и капитала Давида Рикардо» (Зибер, 1871) не просто излагает постулаты так называемой классической школы, но защищает эти постулаты посредством критики концепций, которые он относит к «субъективной школе» (Бастия, Маклеод, Шторх, Рошер, Вальрас и др.) и которые предлагают прямо противоположный способ трактовать природу экономической ценности – не возводить ее к затратам труда как к некоей объективно существующей общественной субстанции, но сводить к субъективной оценке полезности блага, выдвинутой тем или иным индивидом: *«У немецких писателей (а также у большинства французских, вслед за Сэем) полезность – родовое свойство, ценность – видовое. Та и другая основаны, вытекают, составляют результат человеческого суждения, оценки. Отсюда определения в роде: степень полезности, косвенная полезность, значение для сознания»* (Зибер, 1871: 11).

Что же касается *триумфа* маржинализма, то здесь имеется в виду так называемая маржиналистская революция, которую принято датировать 1874 годом и которая открывает эпоху победного шествия этой методологической и мировоззренческой парадигмы, в дальнейшем образующей фундамент как «основного направления» экономической теории, так и – спустя столетие! – неолиберального курса экономической политики, реализующей гегемонию капитала в наши дни. Однако это вовсе не означает, что аксиоматика маржинализма возникает с нуля в этот «триумфальный» момент его истории – напротив, большая часть положений данной доктрины уже была высказана и обоснована в более ранних работах, содержание которых как раз и обобщается Зибером под рубрикой «субъективной школы». В подтверждение этого можно привести замечание В.С. Автономова о том, что сам термин «революция» по праву приложим далеко не ко всем основоположникам маржиналистской доктрины: *«...Что-то похожее на революционное низвержение прежней теории и воцарение новой наблюдалось, пожалуй, только в Англии, где Джевонс, в силу особенностей своего характера, действительно чувствовал себя ниспровергателем основ (их в данном случае олицетворял Дж.С. Милль). Во франкоязычных научных кругах связь ценности благ с их редкостью никогда не ускользала от внимания исследователей, в частности отца Леона Вальраса – Огюста, так что революционность Вальраса-сына в глаза не бросалась»* (Автономов, 2015: 59–60).

Стоит напомнить, что диссертация Зибер была опубликована в 1871 году в Киеве, т.е. за несколько лет до пресловутой «революции». При этом в числе цитируемых и критически анализируемых авторов мы встречаем как раз одного из главных будущих революционеров – Леона Вальраса, на тот момент еще не создавшего свои «Элементы политической экономии».

Прежде чем перейти к изложению главного аргумента Зибер против субъективной теории стоимости, нужно сделать одно замечание методологического характера. Ни в коем случае нельзя забывать, что теория ценности связывает экономическую науку с об-

ластью социальных наук в целом и, таким образом, необходимо имеет дело с философско-онтологической проблематикой – с вопросом об отношении науки к *реальности* ее предмета. Если мы говорим именно о *теории* ценности (стоимости), то речь должна идти о понимании тех условий, которые необходимо соблюдать для того, чтобы данное конкретное понятие (например, выработанное в рамках «субъективной школы») было пригодным для схватывания *действительного* положения вещей. И здесь нужно вспомнить высокую оценку, данную работе Зибер Марксом. Дело в том, что именно Маркс определил свою собственную задачу в качестве *критики* политической экономии, т.е. сделал предметом своего анализа характеристики той конкретно-исторической ситуации (а именно капиталистического способа производства), в рамках которой основные положения существующей экономической науки могут по праву претендовать на адекватность действительному положению дел. Осмысляя сегодня позицию Зибер, мы должны поэтому учитывать принципиальную *историчность* социальной реальности, включая все базовые характеристики экономических отношений, – а значит, видеть эти характеристики не только как позитивные определения, но и как источник и в то же время предмет преобразований (в том числе политических). Нельзя забывать, что теория стоимости, выработанная самим Марксом, заключается вовсе не в том, чтобы противопоставлять «труд вообще» «полезности вообще», но в том, чтобы рассматривать их отношение на основе исторически сложившейся *формы* экономической жизни, а именно – товарно-денежного хозяйства. Именно это «историческое чувство» при рассмотрении абстрактных экономических законов и привлекало Зибер в мысли Маркса (Allisson et al., 2020: 301–304).

Исходить из исторической обусловленности как самой теории, так и ее объекта означает, таким образом, две вещи: во-первых, понимать, что исследуемая реальность не есть нечто вневременное, что ее процессы имеют характер взаимодействия различных тенденций – прогрессивных и регрессивных, отсылающих как к прошлому, так и к будущему; во-вторых, те категории, с помощью которых реальность постигается, также исторически нагружены – как своей генеалогией (например, своими теологическими корнями), так и своей проективностью (включая утопические притязания конструировать некое должное состояние социальной системы).

Итак, гипотеза, на которой основывается последующий ход размышлений, состоит в следующем: в своей критике теории ценности субъективной школы Зибер высказал ряд положений, исключительно важных для понимания специфики того комплекса экономических, политических и социокультурных процессов, который характерен для развития капитализма *вплоть до сегодняшнего его состояния*. Можно даже сказать, что Зибер предвосхитил некоторые концепции, которые сформировались только в XX веке и которые во многом определяют актуальную повестку дня. Но для того чтобы суметь зафиксировать эти предвосхищения, следует удерживать в поле внимания не только логику, но и риторику его текста: контекст, фигуры речи, метафоры, примеры, которые использует Зибер, крайне существенны по той простой причине, что ключевые понятия экономической науки (как, впрочем, и прочих социальных наук) имеют помимо эксплицитного, сознательного уровня своих значений еще и имплицитный, «бессознательный», обыкновенно не принимаемый в расчет теми, кто лишь применяет эти понятия в качестве однозначно определенных в своем назначении инструментов¹. Конstellация такого рода образов должна позволить увидеть в реальности то,

¹ Этот уровень, вслед за Джорджо Агамбен, может быть определен с помощью термина *сигнатура*: так называется эффект смещения и переноса понятий и знаков из одной сферы в другую (например – из сакральной в светскую), при которых не происходит их семантического переосмысления (см.: Агамбен, 2018: 19). Так, «редкость» в качестве экономического понятия, на котором строится концепция стоимости субъективной школы, самими экономистами обыкновенно рассматривается как естественное свойство хозяйственных благ, как некий факт природы. Но с точки зрения герменевтики редкость может быть рассмотрена в качестве «сигнатуры» в том смысле, что она отсылает к христианской политико-теологической парадигме экономики как доктрины личного спасения с акцентом на том, что в «предприятии» спасения значение имеет *каждый* момент как, возможно, последний («Покайтесь, ибо приблизилось Царствие Небесное» (Мф., 4:17)) – иными словами, «запас времени» имеет ограниченный характер. Дело, конечно, не в том, что редкости нет в природе вещей, но в том, что природные свойства культурно опосредованы, всегда уже определенным образом истолкованы – благодаря чему только и становится возможной *универсализация* того или иного представления.

что обыкновенно не схватывается взглядом специалиста, наивно рассматривающего допущения, принятые в его области исследования, как однозначные характеристики реального положения вещей; риторика в этом смысле указывает на тот зазор между понятием и реальностью, выявляя который, мы постигаем конкретно-исторические ограничения, наложенные на концептуальный аппарат той или иной доктрины.

Аргументация Зибер

Чем примечательна аргументация, используемая Зибером в его критике субъективной теории ценности?

Исходным пунктом для Зиберы служит принципиальное различие между теми основаниями, на которых строится анализ ценности сторонников «классической» и «субъективной» школ: если в первом случае в качестве основы берется большой временной промежуток, благодаря чему внимание сосредоточивается на усредненном, типическом состоянии хозяйственной жизни, то во втором, наоборот, обращают внимание лишь на тот момент, в который происходит радикальное изменение или нарушение обычной ситуации; говоря проще, за основу в первом случае берется некое установившееся правило, во втором – исключение из него. Таков, в частности, знаменитый пример с находкой алмаза, который часто используется для иллюстрации факта высокой ценности блага при нулевых затратах труда на его производство. По его поводу Зибер замечает, что перед нами именно исключение, на основе которого нельзя делать общего вывода: «*Вообще алмазов не собирают на площадях и улицах, а ищут и тратят на это долговременный и усиленный труд*» (Зибер, 1871: 135).

Теоретическое предпочтение, которое отдается исключительному моменту, как раз и позволяет рассматривать ценность хозяйственных благ в качестве базирующейся на принципе предельной полезности; и наоборот, как утверждает Зибер, только для такого рода исключений данный принцип может применяться по праву, адекватно выражая реакцию субъекта на те уникальные обстоятельства, которыми оказалась обусловлена его хозяйственная активность:

«Ясно, что нельзя, напр., сказать – дрова полезнее хлеба, – если разуместь под этой сравнительно большею полезностью *постоянное* или *среднее* отношение дров к хлебу, со стороны значения их для удовлетворения потребностей. Приведенное выражение может относиться единственно к тому *моменту*, когда человеческому организму необходима теплота *более*, нежели хлеб. Классифицируя предметы по мере настоятельности потребностей, мы найдем следующий, приблизительно, динамический ряд: человек умирает *сначала* без пищи, *потом* без крова, *потом* без нагретого воздуха и т.д., закон ряда – убывающая настоятельность или опасность, сначала для жизни, затем для здоровья всего организма, затем частей его, сначала навсегда, затем на время, сначала на более, затем на менее продолжительные его периоды. Так можно дойти и до булавки, отсутствие которой, при известных требованиях наряда, причиняет простуду, катарр горла, наконец, просто недовольство. Само собою разумеется, что в эту классификацию не входят фиктивные, болезненные потребности, потому что речь идет о среднем, здоровом организме. Перед нами случай постепенного вымирания организма, систематически лишаемого необходимых для поддержания его внешних предметов» (Зибер, 1871: 30–31).

Как уже было сказано, имеет смысл внимательно присматриваться не только к логике этого аргумента, но и к его риторике – к той системе образов, метафор, сравнений, которая используется ученым для более убедительного изображения ситуации. Образы эти употреблены отнюдь не для «красного словца», но для соотнесения анализируемого принципа с реальными характеристиками той ситуации, в рамках которой этот принцип может оказаться воплощенным в жизнь. Такая ситуация фактически, конечно же, *может* иметь место, но сторонники субъективной школы из перио-

дически возможной превращают ее в постоянно необходимую: на основе единичных случаев конструируется «исключительный момент» как некая общая характеристика экономического времени как такового. Иначе говоря, исключение становится здесь парадигмой правила. Зибер настойчиво подчеркивает, что понимание ценности сторонниками «субъективной школы» базируется как раз на подобной специальной конструкции, где в качестве специфической характеристики для времени хозяйственной жизни предлагается использовать *момент смертельной опасности*. Итак, дело вовсе не в том, что в основе выбора того или другого предмета лежит количественная оценка его обыкновенной полезности, но в том, что мы реализуем наш выбор так, *как если бы* мы во всякий момент нашей жизни находились в ситуации смертельной опасности; так, *как если бы* в данную минуту мы абсолютно не могли бы обойтись без этих конкретных предметов под страхом смерти или опасности для здоровья (или, как хочется добавить сегодня, в эпоху одержимости обеспечением безопасности на всех уровнях существования, – под страхом некой неопределенной опасности, «опасности вообще»): «Выбор того или другого предмета в рассматриваемом случае основывается не на том, что один из них содержит более единиц удовлетворяющего потребности вещества, а единственно на том, что обойтись без одного из них в *данную*, вырванную из ряда, минуту абсолютно невозможно, под *страхом* смерти, опасности для здоровья» (Зибер, 1871: 31).

Таким образом, там, где представители критикуемой школы видят функцию человеческой субъективности *как таковой*, там Зибер указывает на *специфическую интерпретацию* этой субъективности, на выделение одного из возможных аспектов нашего отношения к миру; там, где ученые претендуют просто исходить из фактов, там Зибер словно бы указывает на то специфическое настроение (что-то типа экзистенциальной тревоги), которое предопределяет картину мира этих ученых на ее дотеоретическом уровне.

Однако, с позиции Зибера, выводы, сделанные на основе такой изоляции «опасного момента», ни в коем случае нельзя генерализировать – ведь если бы такая ситуация повторялась непрерывно в течение продолжительного времени, то ситуация в экономике была бы подобной осадному положению: «Такое предпочтение (сравнительно более настоящего менее настоящему. – А.П.), если бы оно повторялось непрерывно в течение продолжительного времени, оказало бы на всю экономическую деятельность то же действие, какое оказывает осада на снабжение пищею жителей и гарнизона крепости» (Зибер, 1871: 33).

Здесь важно подчеркнуть, что сам Зибер видит в подобном рассуждении прежде всего ошибку, которую допустили представители «субъективной школы». С его точки зрения, моменту исключительному, в рамках которого только и действует принцип «сравнительной настоятельности потребностей», необходимо противопоставить *средний момент* экономической жизни, когда «булавка, гребень, ножницы находятся совершенно в такой же степени на своем месте, как и дрова, уголь, хлеб, а потому все попытки построить на принципе настоятельности статическую классификацию вещей ни к чему не могут привести» (Зибер, 1871: 30). Единственное, от чего зависит стоимость, рассмотренная в такого рода средних, типичных обстоятельствах, – это затраты труда, необходимые для производства перечисленных предметов: «...Мы должны придти к заключению, что равенство значения (т.е. субъективных оценок полезности. – А.П.) обмениваемых предметов отнюдь не указывает еще на равенство пожертвований (т.е. затрат труда. – А.П.), а между тем только уверенность, что, при данных средних технических условиях производства, известный продукт не может быть добыт дешевле, решает в каждом данном случае вопрос о размере, в каком должны быть обменены продукты. Поэтому только труд, потраченный на производство того и другого предмета, может служить элементом, подлежащим сравнению. Только сравнение между количествами труда может объяснить, во-первых, постоянство отношений между обмениваемыми продуктами, во-вторых, сравнительно низкую

оценку вещей, удовлетворяющих таким потребностям, какова, напр., потребность в хлебе» (Зибер, 1871: 45–46).

Представляется, однако, что дело не исчерпывается тем, что обнаруженная в теоретических построениях субъективной школы ошибка попросту должна быть исправлена на основе постулатов классической школы, выражающих истинное положение дел; аргумент Зибера сегодня должен быть дополнен, и та *форма*, в которой являет себя эта «ошибка», заслуживает того, чтобы к ней присмотреться внимательнее. Похоже, что именно на этой форме строится та идеология, которая обеспечивает функционирование современного политико-экономического устройства². Иначе говоря, «ошибка» субъективной школы носит *проективный* характер: исключения имеют характер учреждения новых правил, которые надстраиваются над старыми, подчиняя их своей гегемонии.

Интерпретация аргументов Зибера в свете теории чрезвычайного положения

Образ осажденной крепости, который Зибер использовал для того, чтобы выявить специфику экономической картины мира, конструируемой теоретиками субъективной школы, заслуживает более пристального внимания. Как показал в наши дни Дж. Агамбен, как раз ситуация осадного положения в истории государственного права послужила парадигмой для законов о так называемом чрезвычайном положении, играющих фундаментальную роль в учреждении современных политических порядков; именно чрезвычайное положение играет роль главного принципа общепринятых сегодня техник управления жизнью людей, и управление экономикой здесь не представляет исключения – в подтверждение Агамбен цитирует речь Франклина Д. Рузвельта, требовавшего в период Великой депрессии у конгресса «широких властных полномочий для борьбы с чрезвычайной ситуацией (*to wage war against the emergency*), столь же неограниченных, как те полномочия, которые были бы ему даны в случае реального вторжения иноземного врага» (Агамбен, 2011а: 39). Понятно, что лишь в теории право, политика и экономика полагаются в качестве обособленных сфер, в реальности же они образуют узел, развязать который в принципе невозможно без того, чтобы не поставить под вопрос общественное устройство в целом. По этой причине имеет смысл вслед за Фуко и Агамбеном анализировать управление жизнью людей в качестве единого *диспозитива*, т.е. некоего «гетерогенного комплекса, объединяющего в себе дискурсы, учреждения, архитектурные построения, регламентирующие постановления, законы, административные меры, научные достижения, философские, нравственные и благотворительные рассуждения и тому подобное с целью *давать ответ на чрезвычайную ситуацию*» (Агамбен, 2012: 14).

Основоположником политико-правовой теории чрезвычайного положения является немецкий теоретик права и политический философ Карл Шмитт, согласно учению которого именно в принятии решения о введении такого положения заключается политическая функция, придающая властителю статус суверена (Шмитт, 2000: 15). Смысл необходимости данного решения объясняется Шмиттом следующим образом: для того чтобы в рамках общественной жизни могло применяться право, сама эта жизнь долж-

² С марксистской точки зрения, идеология – не всего лишь видимость, которую нужно просто отбросить, но конститутивный момент самой реальности, ее *форма*. «...Нужно с предельным вниманием, – предупреждает нас сегодня С. Жижек, – относиться к разрыву, который отделяет Маркса от Рикардо и его левых последователей, которые уже совершили переход от видимости к сущности, т.е. от зачарованности областью обмена к пространству производства как его тайному ядру; Маркс же движется в обратном направлении, назад к тайне самой формы. Основная ловушка состоит не в ослеплении формой, а в сведении формы к “просто форме”, т.е. упущении того, что тайная сущность НУЖДАЕТСЯ в этой форме, что *существенна* сама форма» (Жижек, 2008: 417–418). Зиберу неоднократно ставили в упрек то, что он недооценивает различие концепций стоимости Рикардо и Маркса (Резуль, 1931: 167–174), видит между ними скорее переход, нежели наличие разрыва. Возможно, именно поэтому Зибер не столь отчетливо акцентирует тот момент (безусловно, осознавая его!), что труд в качестве «субстанции стоимости» *всегда уже* опосредован «формой проявления» в качестве того существенного отношения, которое характерно именно для капиталистического способа производства.

на быть упорядочена, нормализована – ведь «не существует нормы, которая была бы применима к хаосу» (Шмитт, 2000: 26); а поскольку это так, постольку гарантировать возможность применения права способен лишь тот, кто определяет границу, отделяющую пространство номоса от «аномии». Но, чтобы такая гарантия была возможна, сам гарант, очевидно, должен пребывать по ту сторону данной границы (именно в этом смысле суверен является аналогом Бога в мирском порядке). Таким образом, возникает парадокс, когда действие права гарантируется лишь наличием неких исключительных полномочий, т.е., по сути, права на приостановку права; или, говоря более обобщенно, само правило базируется на исключении: *«Исключение интереснее нормального случая. Последний ничего не доказывает, а исключение доказывает все; оно не только подтверждает правило; само правило живет только исключением...»* (Шмитт, 2000: 29).

Но что конкретно оказывается в этой «зоне чрезвычайного положения», что (или кто) именно исключается в качестве носителя «аномичного» существования, социального хаоса? Отвечая на этот вопрос, мы не должны забывать, что речь идет о парадоксе «включенного исключения», т.е. всегда есть возможность того, что исключенное здесь *специально производится* для того, чтобы было возможным учредить суверенное управление³. Критико-герменевтическое прочтение концепции Шмитта, предпринятое Агамбенем, показывает, что в качестве подобного «хаоса» представляется на самом деле отнюдь не жизнь, лишенная какой-то разумной формы, но, наоборот, жизнь, которая *неотделима* от своей формы. Таким образом, на месте этого изначального единства жизни и ее внутренней формы (в связи с которой можно говорить о достоинстве, манере, этосе и т.п.) учреждение суверенной власти производит феномен *голой жизни*, т.е. конституирует жизнь, абстрагированную от своей сущностной формы и потому нуждающуюся в каком-то внешнем упорядочивании: правовом регулировании, полицейском надзоре, социальном обеспечении, воспитательном формировании, медицинской нормализации и т.п. Иначе говоря, в основе управленческих техник, базирующихся на модели чрезвычайного положения, лежит тенденция отделения жизни как чисто биологического процесса от тех ее форм, которые придают ей такие подлинно человеческие измерения, как смысл и достоинство; именно благодаря подобному отделению жизнь превращается в ресурс для деятельности различных предприятий, каждое из которых обладает теми или иными суверенными полномочиями, выступая, таким образом, подобием государства или даже «государством в государстве». В этом месте своего рассуждения Агамбен восполняет логические аргументы Шмитта генеалогическими исследованиями Фуко, в соответствии с которыми суверенная власть в современном мире связана уже не столько с правом отбирать жизнь, сколько с функцией эту жизнь производить и воспроизводить в определенном режиме – появление таких категорий, как «население», «трудовые ресурсы», «человеческий капитал», подтверждает это (Агамбен, 2011а: 155–156). Таким образом, политика становится биополитикой, а чрезвычайное положение оказывается не исключением, а правилом (или, точнее, – исключением как правилом).

Именно в этом пункте следует вернуться к критике позиций сторонников субъективной школы, которую развил Зибер. С его точки зрения, принцип оценки на основании субъективной полезности действителен лишь для исключительных моментов, что же касается моментов, характеризующих нормальное, среднее течение хозяйственной жизни, то здесь ценность благ определяется объективно, на основе затрат обществен-

³ А.В. Ахутин в своей переписке с переводчиком и комментатором К. Шмитта А.Ф. Филипповым выражает это в форме тезиса о том, что если в логике обратимость импликации запрещается, то в политике этому ничто не мешает: «Если чрезвычайная ситуация всеобщей мобилизации для защиты бытия политического индивида (государство, народ) или конституционного строя (от внутренних врагов) требует экстраординарных полномочий Суверена, например ЧК, то эти полномочия очень удобны, чтобы сохранить свое сверхзаконное положение в частных (корпоративных) интересах, создавая или выдумывая чрезвычайное положение, врагов вне и внутри и т.д.» (Ахутин, Филиппов, 2013: 35).

но необходимого труда. Но в каком именно смысле следует трактовать *нормальность* этого положения – как нечто, соответствующее некой неизменной природе вещей, или же как то, что характерно для определенной исторической ситуации, а значит, произведено людьми в процессе их общественного развития и, следовательно, в дальнейшем может быть преобразовано? Представляется, что позиция Зибера по этому вопросу должна быть уточнена на основании той же интерпретации, которую он сам использовал в своей критике постулатов субъективной школы. Все дело в том, что «субъективное» и «объективное» следует рассматривать не столько в качестве характеристик экономики как таковой, но ее конкретно-исторической формации, т.е. в данном случае капиталистического способа производства, который сам находится в процессе своего движения (в противном случае мы рискуем совершить регресс к рассмотрению экономики на уровне некой абстракции, носящей к тому же идеологический характер). Иначе говоря, такие категории, как, например, труд и полезность в их конкретной определенности, не даны нам как таковые непосредственно, но лишь как моменты, обусловленные характером способа производства. И если верно, что капитализм (читай: современная экономика) осуществляет управление хозяйственной деятельностью в режиме «чрезвычайного положения, ставшего правилом», то это означает, что как *объективность труда*, так и *субъективность полезности* не являются какими-то естественными качествами, но производятся в качестве таковых. Именно поэтому проект критики политической экономии, разработанный Марксом, должен быть способным показать, что труд и полезность при капитализме представляют собой две соотнесенные друг с другом *реальные абстракции*⁴ в той мере, в какой оба они предполагают редукцию человеческого существования к «голой жизни» – т.е. к жизни трудящегося, вынужденного «производительно» реализовывать свою рабочую силу, и жизни потребителя, вынужденного «рационально» реализовывать свою покупательную способность (причем в обоих случаях эта вынужденность маскируется фикцией их «собственного» суверенного решения). Сам Маркс показал это в своем анализе воспроизводства и первоначального накопления на примере того, как рабочий на всем протяжении капиталистического процесса непрерывно отделяется от средств производства, благодаря чему он вновь и вновь должен не только продавать свою

⁴ Как отметил Г. Лукач, теория предельной полезности вовсе не преодолевает абстрактно-формалистический анализ, характерный для классической школы (но не для Маркса!), противопоставляя ему примат субъективного фактора, поскольку конкретная материя хозяйственной жизни все равно остается за границей метода, используемого в этой теории: «Акт обмена в его формальной всеобщности, который как раз и остается фундаментальным фактом для “теории предельной полезности”, также ликвидирует потребительную стоимость как потребительную стоимость, также создает то отношение абстрактного равенства конкретно не равных, даже несравнимых материй, откуда возникает указанная граница. Таким образом, субъект обмена столь же абстрактен, формален и овеществлен, как его объект»; эта формальная абстракция как первый и конечный пункт анализа, заключает Лукач, «исподволь превращает политическую экономию в замкнутую частичную систему, которая, с одной стороны, не способна ни объяснить свой субстрат, ни, исходя из него, найти путь к познанию тотальности общества, а с другой – рассматривает поэтому эту материю как неизменную, вечную “данность”» (Лукач, 2008: 267).

В дополнение к этому рассуждению Лукача здесь следует напомнить, что чисто формальным (идеальным) абстракциям соответствуют абстракции реальные: категория абстрактного труда прежде всего обнаруживает себя в реальности капиталистической экономики и лишь затем входит в объяснительный аппарат политической экономии. Поэтому нельзя не увидеть, что индивидуальное предпочтение той или иной «конкретной» потребительной стоимости точно так же обусловлено действующими *моделями* потребительского спроса, как «выбор» рода нашей деятельности – потребностями производства. Функция этих моделей – выделить в жизненной активности людей «чистую энергию потребления» и обеспечить ее эффективное задействование, без чего произведенный товар не способен совершить свое *salto mortale* (превращение в деньги). Очевидно также, что следует различать «потребление вообще» как чисто теоретическое обобщение от потребления как формы всеобщей практики в конкретно-исторических условиях «позднего капитализма». Так, Ж. Бодрийяр в «Обществе потребления» выделил четыре стадии генезиса современной экономической модели – если на первых трех происходит выделение таких реальных абстракций, как техническая система, капитал и рабочая сила (они абстрагированы, соответственно, от традиционного орудия, богатства и конкретного труда), то на четвертой создается «система потребностей, спрос», которые «производятся как элемент системы, а не как отношение индивида к объекту потребления (точно так же рабочая сила не имеет больше ничего общего с отношением рабочего к продукту его труда, а меновая стоимость не имеет больше ничего общего с конкретным и личным обменом, и товар – с реальными благами и т.д.)» (Бодрийяр, 2006: 104).

рабочую силу, но и реализовывать свое потребление исключительно в производительной форме⁵.

Таким образом, «средний момент» или «нормальное состояние» экономической жизни, о которых говорит Зибер, необходимо рассматривать как производные от того *ставшего правилом* «чрезвычайного положения», которое Маркс описал в знаменитых главах первого тома «Капитала», посвященных анализу применения машин (глава 13), раскрытию тайны так называемого первоначального накопления (глава 24) и современной теории колонизации (глава 25), где показано дистиллирование рабочей силы, производство трудовой «субстанции» посредством радикальной и систематической *десубъективации* трудящегося. Что же касается «исключительного момента» субъективной оценки, то в той мере, в какой эволюционирует капиталистический «дух», в ней должна быть опознана форма нового, текущего «чрезвычайного положения», задача которого – сформировать на основе работника индивида, способного к «производительному потреблению» (потребление превращается в гражданскую добродетель), облеченного заработной платой как «покупательной способностью»⁶. Если в первом случае той формой, в которой осуществляется капиталистический процесс, является формальная (юридическая) свобода работника, основанная на фикции договора, то во втором этой формой будет фикция потребительского суверенитета, «непрерывного выбора себя», поиска «наименьшего маргинального различия»⁷ (Бодрийяр, 2006: 117–131).

Общеизвестно, что речь у Маркса идет не об отказе от разделения труда в пользу натурального хозяйства, а о критике его отчужденного характера. Сегодня больше, чем когда-либо, очевидно, что вместе с научно-техническим прогрессом в сфере производства прогрессируют и формы отчуждения – от политико-правовых до экзистенциально-психологических. Поэтому нет ничего удивительного в том, что по ходу развития капиталистической экономики производство начинает ориентироваться на создание все более «персонализированных» предложений, в то время как потребление этих «эксклюзивных» продуктов (товаров, услуг, «брендов» и «трендов») обнаруживает на уровне поведенческих установок полную стереотипность. Но все это разнообразие, изменение «дизайна» капитализма, игра его масок не должны помешать увидеть то, что остается в нем неизменным, а именно – условия возможности присущего ему способа производства. И к числу этих условий, повторим, относится управленческий механизм, функционирующий по принципу чрезвычайного положения.

Актуальность зиберовского аргумента в контексте критики современной экономики

Попробуем теперь привести несколько конкретных примеров того, как функционирует подобное устройство экономического аппарата.

Современная экономическая идеология предписывает нам исходить из принципа суверенности экономического субъекта. Самый яркий пример здесь – теория потребительского выбора. Принцип потребительского суверенитета означает, что свое жизненное время и свои жизненные силы субъект должен рассматривать как то, что ему

⁵ Ф. Руда продемонстрировал нам, что производство и воспроизводство пролетариата капиталистической системой представляет собой наиболее чистый пример производства «голой жизни», поскольку «рабочий индивид становится в итоге странным (животным-)дивидом, разделенным животным, хрупким конгломератом своих партикуляризованных телесных функций. Рабочий представляется так, словно бы он был то желудком, то пенисом, то глоткой и т.д.» (Руда, 2019: 98).

⁶ На самом деле, как показали Ж. Делёз и Ф. Гваттари, понятие покупательной способности (силы) денег в современных условиях глубоко иронично, поскольку в реальности это лишь производная от платежной функции, т.е. схем финансирования – следовательно, скорее неспособность, чем способность (слабость, а не сила) (Делёз, Гваттари, 2007: 361–364).

⁷ Так Бодрийяр называет принцип, встроенный в саму модель потребления, или, если точнее, в потребление как в *модель*: потребитель стремится реализовать свою «уникальность» на основе тех дифференций, пролиферация которых запрограммирована в самой системе.

надлежит эксплуатировать с целью максимально эффективного удовлетворения своих потребностей. Только что же здесь представляет собой сам этот субъект? Очевидно, что душа и тело того, кто «суверенно» принимает решения о потребительском выборе, на самом деле является проводником интересов неких структур, претендующих на то, чтобы представлять «наши собственные» вкусы и предпочтения «наиболее адекватным образом» – настолько, насколько это не способны никогда сделать мы сами; поэтому, с одной стороны, экономическая теория постулирует суверенитет потребителя, но с другой – в реальности различные инструменты и технологии (маркетинг, реклама и т.п.) непрерывно производят «наши» представления о «наших» вкусах и предпочтениях. Все дело в том, что эти вкусы и предпочтения не являются внутренней формой нашей жизни, они предписываются извне. Поэтому истинный субъект суверенного решения («рационального выбора») – не сам индивид, но та его роль в системе капиталистической экономики, с которой он более или менее успешно идентифицировался. Человек-потребитель производится точно так же, как и человек-производитель, человек наслаждения – это более позднее дополнение к человеку труда, и если вместо кровавых законодательств эпохи первоначального накопления сегодня действуют «мягкие» и «тонкие» механизмы настройки, подталкивания и т.п., суть дела от этого не меняется: эксплуатации подвергаются все формы жизненного процесса – воображение, эмоциональная сфера, общение, досуг и т.п. Возможно, уместной здесь была бы метафора потребительской «полиции нравов», бдительно следящей за тем, чтобы предотвращать возможные покушения на суверенитет «потребительной стоимости», которая уже не является некой естественной стороной товара, удовлетворяющей некую столь же естественную потребность, но выступает элементом означающей цепочки, осуществляющей непрерывную эскалацию желания.

В этой связи уместно вспомнить замечание Ф. Джеймисона о том, что маркетизация универсума представляет собой операцию перекодирования гетерогенных областей (семьи, например) в качестве вариаций гомогенной структуры предприятия; на уровне теории об этом свидетельствует, например, концепция Г. Беккера: «Значительная доля убедительности и ясности порождается в таком случае за счет переписывания таких феноменов, как свободное поведение и индивидуальные черты, в терминах потенциального сырья» (Джеймисон, 2019: 536). Еще важнее его суждение о том, что рыночное «дерегулирование» по сути выполняет *полицейскую* функцию: *«Рыночная идеология заверяет нас, что люди устраивают бардак, когда пытаются управлять своей судьбой (“социализм невозможен”), и что нам повезло, поскольку у нас есть межличностный механизм – рынок, – которым можно заменить человеческую гордыню и планирование, устранив вообще все человеческие решения. Нам нужно лишь держать его в чистоте и хорошо смазывать, и он – подобно монарху несколько столетий назад – присмотрит за нами и будет держать нас в узде»* (Джеймисон, 2019: 542).

Метафора монарха мотивирована здесь тем, что на рыночный механизм переносится функция принятия решений в последней инстанции. В самом деле, если частные решения (что именно потреблять, что именно производить) в определенной мере зависят от «свободной воли» тех или иных лиц, то *всеобщее* решение – решение о том, что все процессы должны быть представлены в форме производства и потребления товаров, причем в буквальном, а не метафорическом смысле, – оказывается *всегда* уже принятым, как если бы оно не имело реальной альтернативы; то, что не вписывается в пространство рынка (точнее, множества рынков, какими бы странными, экзотическими, извращенными ни были обращающиеся на них товары), таким образом, выступает в качестве чего-то «аномичного».

Ярким примером вторжения логики делового предприятия в сферу, которая традиционно этой логике не подлежала, является судьба науки и образования в современном мире. Ставшие популярными полвека назад разговоры об «экономике знания» сегодня закономерно сменились темами пролетаризации труда ученого и формирования

(благодаря внедрению в университетскую жизнь принципов «эффективного менеджмента») *академического капитализма*, т.е. «внедрения рыночной системы в сферу науки и образования с вытекающими последствиями: коммерциализацией, превращением результатов исследовательского труда в объекты интеллектуальной собственности, которую продают на рынке, выстраиванием образовательной и научной деятельности в перспективе снижения издержек и максимизации прибыли» (Камнева и др., 2019: 52). В результате разрушается целостный этос деятельности ученого – можно только представить себе, какотреагирует любой управленец на определение смысла деятельности ученого как «поиска истины»; вытесняющие подобную установку императивы конкуренции и рентабельности приводят к тому, что «научное сообщество теряет смысл *collegium*’а, или ученого братства, республики ученых, и заменяется моделью абстрактных рациональных связей индивидуумов» (Там же: 57). Ситуация здесь в точности аналогична описанной Зибером: возможная «неэффективность» науки и образования играет роль «момента смертельной опасности», благодаря чему режим работы университета мгновенно уподобляется жизни в осажденной крепости, и вместо смыслового континуума характер деятельности ученых приобретает дискретный вид «скопления товаров», ценность каждого из которого определяется на основе «настоятельности» нужды в нем – идет ли речь о ценности отдельно взятой публикации или целого направления научной работы. Все то, что не редуцируется к системе *KPI*, автоматически оказывается в зоне чрезвычайного положения – например, превращается в форму «низкоквалифицированного» труда, что позволяет подчинять его сверхэксплуатации при снижении уровня оплаты и гарантий занятости⁸.

Но есть и другой аспект «экономики знания», который здесь можно привести как пример, подтверждающий актуальность взглядов Зибера. Результаты современных научных исследований могут быть использованы для «огораживания» целых областей того, что традиционно рассматривалось в качестве *общего* достояния человеческого рода (того, что выступало в качестве проявлений родовой сущности человека). Подобная «приватизация общего» приводит к тому, что объектами частного присвоения оказываются жизненные формы, традиционные знания, пространство и модели коммуникации и многое другое; при этом, как показали М. Хардт и А. Негри, здесь налицо отнюдь не исторический прогресс, но прямо противоположное явление – эти процессы можно уподобить барочной реакции на ренессансный прорыв к новому: «*Над сегодняшними приватизационными процессами – частным присвоением знаний, информации, коммуникационных сетей, взаимных симпатий, генетических кодов, природных ресурсов и тому подобного – отчетливо веет неофеодальный дух барокко. Формирующаяся биополитическая продуктивность множества (т.е. формы объединения людей, альтернативной государству или иным структурам суверенной власти. – А.П.) подрывается и блокируется процессами частного присвоения*» (Хардт, Негри, 2006: 231). Важно еще и то, что эта неофеодальная (или необарочная) система господства строится на основе не упразднения, но *парцелляции* суверенитета, благодаря чему власть политическая и власть экономическая переплетаются и сливаются друг с другом; как пишет об этом Д. Дин:

«Неофеодальные сеньоры, такие как финансовые институты или цифровые платформы, используют долг, чтобы перераспределять глобальное благосостояние от самых бедных к наиболее богатым. При неофеодализме, как и при феодализ-

⁸ Нельзя не согласиться с тем, что сегодня «на примере образования мы можем наблюдать не просто очередной институциональный кризис, а кризис институционализации как принципа регулирования человеческой деятельности – по крайней мере, тех ее сфер, которые связаны с воспроизводством и развитием сущностных человеческих сил – жажды созидания, творчества, социально значимой активности» (Очкина, 2018: 126). Но тогда под вопросом оказывается и сам принцип *суверенитета*, на основе которого, как пишет автор, университет традиционно существовал как автономная корпорация, способная «предоставлять определенную свободу своим членам, контролируя и сдерживая их субъективизм системой коллективных оценок индивидуальной работы и этическими критериями, совместно вырабатываемыми внутри процесса» (Там же: 111) – в той в мере, в которой этот принцип сегодня трудно отделить от чрезвычайного положения как условия возможности его применимости.

ме, экономические игроки обладают политической властью над отдельной группой людей в силу установленных самими этими игроками условий. Вместе с тем политическая власть становится неотделимой от экономической власти и дополняет ее: кроме налогов, используются штрафы, залоги, изъятия активов, лицензии, патенты, право юрисдикции и пограничный контроль. При неофеодализме правовая фикция буржуазного государства, определяемого нейтральностью закона, действующего для свободных и равных индивидов, развеивается, а непосредственно политический характер общества вновь выходит на передний план» (Дин, 2019: 89)⁹.

Таковы доводы в пользу того, что «чисто экономическая» теория ценности (стоимости) – это фикция, поскольку сам объект данной теории имеет непосредственно политическое значение. Вспомним знаменитый аргумент Бём-Баверка против теории стоимости Маркса: не только труд, но, например, факт редкости блага или его нахождение в чьей-либо собственности являются теми факторами, которые определяют стоимость товаров на рынке (Бём-Баверк, 2002: 85). В самом деле, именно эти факторы используются для того, чтобы извлекать ренту. Путем отчуждения в частную собственность даров природы и достижений науки искусственно возникает социальная форма редкости¹⁰, позволяющая снижать себестоимость (т.е. затраты труда), не снижая цены. Именно это и означает «ставшее правилом чрезвычайное положение» в экономике: непрерывный поиск ренты за счет «суверенных решений» о преобразовании производства в пользу его большей рентабельности.

Заключение

Итак, каково сегодняшнее значение сформулированных Зибером критических аргументов в адрес теории ценности субъективной школы?

Как было показано, аргументы эти расширяют горизонты *общей критики политической экономики*, занятой выявлением тех исторических границ, в рамках которых жизнь людей (как в хозяйственном, так и других аспектах) оказывается подчиненной определенной политико-экономической форме. Эта форма, которая сегодня связывается с идеологией неолиберализма, синтезирует в себе маргиналистские критерии ценности, преподносимые как выражающие саму вечную и неизменную природу экономических отношений, с политическим институтом суверенной власти, базиру-

⁹ О том, что перманентная проблематизация традиционных форм суверенной власти в современном мире означает не упразднение или хотя бы ослабление самого принципа суверенитета, но лишь перемещение его на другой уровень системы, говорит также Й. Фогль: «Капитализм финансовых рынков – это не экономическая система, а, скорее, формация глобального управления (governance), создающая собственные правила, законы и институты, отделяющаяся от территорий и национальных государств, преобразующая геополитический порядок в геоэкономический, обустроивающая центры накопления и зоны эксплуатации и вырабатывающая иммунитет против ставящихся все более неуместными народных суверенитетов. Это новые линии конфликта и, следовательно, точки притяжения теории» (Интервью с Йозефом Фоглем, 2019: 20–21). В свою очередь, М. Хардт и А. Негри указывают, что формирование глобального суверенитета («Империи») опирается на механизмы полицейского управления в условиях перманентного чрезвычайного положения: «Даже наиболее сильные национальные государства не могут далее признаваться в качестве верховной и суверенной власти ни вне, ни даже в рамках собственных границ. Но тем не менее ослабление суверенитета национальных государств вовсе не означает, что суверенитет как таковой приходит в упадок» (Хардт, Негри, 2004: 11). И далее: «Функция чрезвычайного положения здесь очень важна. Чтобы контролировать подобную исключительно неустойчивую ситуацию, необходимо предоставить вмешивающейся инстанции власти: во-первых, возможность определять – всякий раз исключительным (чрезвычайным) образом – необходимость вмешательства; и, во-вторых, возможность приводить в движение силы и инструменты, применяемые различным способом ко множеству разнообразных кризисных ситуаций. Таким образом, здесь ради чрезвычайного характера вмешательства рождается форма права, в действительности являющаяся *правом полиции*. Формирование нового права вписывается в использование превентивных мер, репрессивных действий и силы убеждения, направленных на восстановление социального равновесия: все это характерно для деятельности полиции» (Хардт, Негри, 2004: 30–31).

¹⁰ Как показал в своей последней книге Андре Горц, современная экономика строится на постоянных инновационных метаморфозах продукта, цель которых – предотвратить угрозу изобилия с помощью изобретения новых форм дефицита; на эту экспансию экономики, считает Горц, необходимо ответить новым пониманием *экологии* не просто как охраны природы, но как «сопротивления частному присвоению и разрушению того общественного достояния, которое представляет собой мир жизненного обихода как таковой» (Горц, 2010: 112).

ющимся на принципе чрезвычайного положения, что опять-таки претендует на легитимность как устройство, адекватное самому естеству человека как *animal sociale*. То, что на определенном этапе выступает в качестве исключения – будь то лишение человека средств производства, благодаря чему он превращается в наемного рабочего, или такое преобразование его жизненного мира, вследствие которого целостная материальная среда существования превращается в скопление товаров, обретающих свою ценность на фоне потенциальной катастрофы, – становится правилом: жизнь, отделенная от своих форм, становится «голой жизнью», т.е. рабочей силой и потребительской способностью, которые теперь превращаются в абстрактную материю, способную принимать какие угодно формы¹¹. Но тем самым вновь подтверждается не только сущностное единство экономики и политики, но и выявляется глобальный кризис той исторической формации, в рамках которой это единство осуществляется: если всякий суверенитет сегодня базируется на принципах полицейского права как своего «условия возможности», то всякий суверен может быть уверен, что «однажды его коллеги будут обращаться с ним как с преступником» (Агамбен, 2015: 109)¹².

Анализируя концепцию Маркса, Зиббер подчеркивает, что именно товарно-денежный фетишизм¹³ приводит к тому, что экономисты не видят различия между обычными товарами и рабочей силой: поскольку рабочая сила наряду с другими товарами выступает как предмет рыночной, денежной оценки, постольку возникает иллюзия, что товарная форма – это естественное состояние жизненного времени людей (Зиббер, 1871: 263). Фетишизм товара является основой для того, чтобы перекодировать жизнь людей, сообщая их потребностям форму потенциально безграничного желания (объект желания никогда не дан, он метонимичен, всегда предстает как потребность в чем-то еще), – а следовательно, превращать ее в ресурс возрастающей эксплуатации и самоэксплуатации.

Неслучаен поэтому интерес Зиберера к изучению экономики первобытного общества¹⁴ – интерес этот находится в прямой связи с его критикой субъективной школы. На примере первобытного отношения к труду (Зиббер цитирует замечание Александра Гумбольдта об апатичном характере жизни индейцев Центральной Америки, который не исчезнет до тех пор, пока не будут вырублены банановые деревья, дающие им изобильное пропитание) можно показать, что трудовой потенциал людей не обязательно должен непрерывно и полностью актуализироваться – народ может обладать свободным временем, которое не обязательно тратится на производство добавочного продукта. И дело здесь, разумеется, не в банальной апологии лени и праздности, а в том, что между фактом наличия свободного времени и актом его использования для произ-

¹¹ Здесь уместно еще раз провести параллель с эпохой барокко – эпохой, когда возникает политическая теория суверенитета и зарождается политическая экономия. *Эстетика* этой эпохи является своеобразным ключом к пониманию всего комплекса начинающихся процессов – здесь вслед за Жаном Бодрийяром нужно вспомнить о начавшемся активном применении лепнины, которая «позволяет свести невероятное смешение материалов к одной-единственной новой субстанции, своего рода всеобщему эквиваленту всех остальных, и она прекрасно подходит для создания всевозможных театральных чар, так что она сама является представительной субстанцией, зеркальным отражением всех остальных» (Бодрийяр, 2000: 116). Подобно тому как в экономике снимается запрет на ростовщичество, в искусстве перестает осуждаться обольщение, зачарованность; субстанция – как эстетическая, так и экономическая – теперь существует исключительно как производство эффектов.

¹² Как показал Агамбен (Агамбен, 2011b: 84–100), шмиттовская концепция суверенной власти возникала в процессе неявной полемики с В. Бенямином, который противопоставил определению суверена как того, кто способен принимать решение о чрезвычайном положении, фигуру *барочного* суверена, как ни на какое решение не способного. Соответственно, чрезвычайное положение из чуда, с которым его сравнивал К. Шмитт в своей «Политической теологии», становится катастрофой – т.е. в политическом плане революцией, а не реставрацией. Модель «экономического человека», принятая в «основном направлении» экономической науки, таким образом, – это не только теоретическое допущение, но и политический проект, вмещающий каждому из нас «чудотворную» способность генерировать «чрезвычайные положения» как производные от собственных «рациональных решений», благодаря чему воспроизводство рыночных отношений происходит не только вопреки, но и благодаря всем «катастрофическим» сценариям радикальных преобразований.

¹³ Подробнее о концепции фетишизма у Маркса и Зиберера см.: (Smith, 2001).

¹⁴ В качестве «кабинетного экономиста-антрополога» его можно считать предтечей М. Мосса (Расков, 2016).

водства прибавочной стоимости есть много промежуточных состояний, которые нельзя понять только на основе экономических понятий производства и потребления (Зибер, 1871: 208–209). Зибер указывает на этот интервал, эту паузу, как на *потенциальность*, присущую нашей жизни – например, в своих замечаниях о статье Ю. Жуковского о «Капитале» Маркса он отмечает, что ни при каких обстоятельствах «сама природа прибыли человеку не приносит, а дает ему только *досуг или возможность прибыли* (выделено мной – А.П.)» (Зибер, 2012: 114). Потенциальность эта не означает что-то ущербное, но как раз и является подлинной формой человеческой жизни (Агамбен, 2018: 409–413). И дело здесь, нужно повторить, не в ностальгии по досовременным формам жизни – в конце концов, история «чрезвычайного положения» столь же стара, сколь и традиция «правил», которое оно нарушает (и тем самым поддерживает), так что их оппозиция находится в плане синхронии, а не диахронии, – но в теоретическом обосновании возможности альтернативных укладов хозяйственной жизни в рамках современности. В этом плане еще в 1871 году Зибер смог предвосхитить проблематику целого ряда направлений мысли, которые разовьются лишь в следующем столетии, как то: различные альтернативы «основному течению» экономической науки, экономическая социология, экономическая антропология, социальная философия неомарксизма, критическая теория общества и др.

Литература

- Автономов, В. С. (2015). Самая значительная перемена в истории экономической науки: возвращаясь к осмыслению маргиналистской революции, с. 59–60 / В кн.: В.С. Автономов, О.И. Ананьин, Д.И. Мельник и др. (ред.) *Истоки: качественные сдвиги в экономической реальности и экономической науке*. М.: Изд. дом Высшей школы экономики.
- Агамбен, Дж. (2011a). *Ното sacer. Суверенная власть и голая жизнь*. М.: Европа.
- Агамбен, Дж. (2011b). *Ното sacer. Чрезвычайное положение*. М.: Европа.
- Агамбен, Дж. (2012). Что такое диспозитив? / В кн.: Агамбен, Дж. *Что современно?* Киев: Дух і літера.
- Агамбен, Дж. (2015). *Средства без цели. Заметки о политике*. М.: Гилея.
- Агамбен, Дж. (2018). *Царство и слава. К теологической генеалогии экономики и управления*. М., СПб.: Изд-во Института Гайдара; Факультет свободных наук и искусств СПбГУ.
- Ахутин, А. В., Филиппов, А. Ф. (2013). Переписка о Шмитте и политическом // *Социологическое обозрение*, 12(1), 34–47.
- Бём-Баверк, О. (2002). *Критика теории Маркса*. М., Челябинск: Социум.
- Бодрийяр, Ж. (2000). *Символический обмен и смерть*. М.: Добросвет.
- Бодрийяр, Ж. (2006). *Общество потребления. Его мифы и структуры*. М.: Республика.
- Горц, А. (2010). *Нематериальное. Знание, стоимость и капитал*. М.: Изд. дом Высшей школы экономики.
- Делёз, Ж., Гваттари, Ф. (2007). *Анти-Эдип. Капитализм и шизофрения*. Екатеринбург: У-Фактория.
- Дин, Д. (2019). Коммунизм или неофеодализм? // *Логос*, 29(6).
- Джеймисон, Ф. (2019). *Постмодернизм, или Культурная логика позднего капитализма*. М.: Изд-во Института Гайдара.
- Интервью с Йозефом Фоглем (2019) // *Экономическая социология*, 20(5).
- Зибер, Н. И. (1871). *Теория ценности и капитала Рикардо в связи с позднейшими дополнениями и разъяснениями*. Киев.

- Зибер, Н. И. (2012). Несколько замечаний по поводу статьи г. Ю. Жуковского «Карл Маркс и его книга о капитале», с. 102–132 / В кн.: Зибер Н. И. *Карл Родбертус-Ягцов и его экономические исследования: Теория государственного социализма*. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ».
- Камнева, А. В., Куприянов, В. А., Шиповалова, Л. В. (2019). Научное лидерство в контексте академического капитализма (российская перспектива) // *Социология науки и технологий*, 10(4).
- Лукач, Г. (2008). Овеществление и сознание пролетариата / В кн.: Лукач, Г. *Ленин и классовая война*. М.: Алгоритм.
- Очкина, А. (2018). Образование как фиктивный капитал: кризис социальной значимости знания // *Логос*, 28(6).
- Расков, Д. Е. (2016). Н.И. Зибер как кабинетный экономист-антрополог // *Terra Economicus*, 14(4).
- Резуль, Я. Г. (1931). Н.И. Зибер (библиография) // *Каторга и ссылка*, (7), 132–174.
- Руда, Ф. (2019). Маркс в пещере, с. 74–125 / В кн.: Жижек, С., Руда, Ф., Хамза, А. *Читать Маркса*. М.: Изд. дом Высшей школы экономики.
- Хардт, М., Негри, А. (2004). *Империя*. М.: Праксис.
- Хардт, М., Негри, А. (2006). *Множество: война и демократия в эпоху империи*. М.: Культурная революция.
- Хиршман, А. (2012). *Страсти и интересы. Политические аргументы в пользу капитализма до его триумфа*. М.: Изд-во Института Гайдара.
- Шмитт, К. (2000). *Политическая теология*. М.: Канон-Пресс-Ц.
- Allisson, F., D'Onofrio, F., Raskov, D. E., Shirokorad, L. D. (2020). Marxism before Marxism: Nikolaj Sieber and the birth of Russian social-democracy // *The European Journal of the History of Economic Thought*, 27(2), 301–304.
- Smith, D. N. (2001). The spectral reality of value: Sieber, Marx, and commodity fetishism // *Research in Political Economy*, (19), 47–66.

References

- Agamben, G. (2011a). *Homo Sacer: Sovereign Power and Bare Life*. Moscow: Evropa Publ. (In Russian.)
- Agamben, G. (2011b). *State of Exception*. Moscow: Evropa Publ. (In Russian.)
- Agamben, G. (2012). What is an apparatus? / In: Agamben, G. *What is the Contemporary?* Kiev: Dukh i litera. (In Russian.)
- Agamben, G. (2015). *Means Without End: Notes on Politics*. Moscow: Gileia. (In Russian.)
- Agamben, G. (2018). *The Kingdom and the Glory: For a Theological Genealogy of Economy and Government*. Moscow; Saint Petersburg: Gaidar Institute Press; Faculty of Liberal Sciences and Arts, St. Petersburg State University Publ. (In Russian.)
- Akhutin, A. V., Filippov, A. F. (2013). Correspondence about Schmitt and the political. *Sotsiologicheskoe obozrenie*, 12(1). (In Russian.)
- Allisson, F., D'Onofrio, F., Raskov, D. E., Shirokorad, L. D. (2020). Marxism before Marxism: Nikolaj Sieber and the birth of Russian social-democracy. *The European Journal of the History of Economic Thought*, 27(2), 301–304.
- Avtonomov, V. S. (2015). The most significant change in the history of economics: A return to understanding the Marginalist Revolution, pp. 59–60 / In: V.S. Avtonomov, O.I. Ananyin, D.I. Melnik et al. (eds.) *Origins: Qualitative Shifts in Economic Reality and Economic Science*. Moscow: HSE Publishing House. (In Russian.)

- Baudrillard, J. (2000). *Symbolic Exchange and Death*. Moscow: Dobrosvet Publ. (In Russian.)
- Baudrillard, J. (2006). *The Consumer Society: Myths and Structures*. Moscow: Respublika Publ. (In Russian.)
- Bohm-Bawerk, E. (2002). *Criticism of Marx's Theory*. Moscow, Cheliabinsk: Sotsium Publ. (In Russian.)
- Dean, J. (2019). Communism or Neo-Feudalism? *Logos*, 29(6). (In Russian.)
- Deleuze, Zh., Guattari, F. (2007). *Anti-Oedipus: Capitalism and Schizophrenia*. Ekaterinburg: U-Faktoriia Publ. (In Russian.)
- Gorts, A. (2010). *The Immaterial: Knowledge, Value and Capital*. Moscow: HSE Publishing House. (In Russian.)
- Hardt, M., Negri, A. (2004). *Empire*. Moscow: Praxis Publ. (In Russian.)
- Hardt, M., Negri, A. (2016). *Multitude: War and Democracy in the Age of Empire*. Moscow: Kulturnaia revoliutsiia Publ. (In Russian.)
- Hirschman, A. (2012). *The Passions and the Interests: Political Arguments for Capitalism Before Its Triumph*. Moscow: Gaidar Institute Press. (In Russian.)
- Interview with Joseph Vogl. Intellectual History and Political Economy of Modern Capitalism (interviewed by Ivan Boldyrev) (2019). *Ekonomicheskaiia sotsiologiia*, 20(5), 11–27. (In Russian.)
- Jameson, F. (2019). *Postmodernism, or, the Cultural Logic of Late Capitalism*. Moscow: Gaidar Institute Press. (In Russian.)
- Kamneva, A. V., Kupriianov, V. A., Shipovalova, L. V. (2019). Scientific Leadership in the Context of Academic Capitalism (Russian Perspective). *Sotsiologiia nauki i tekhnologii*, 10(4). (In Russian.)
- Lukács, G. (2008). Reification and the Consciousness of the Proletariat / In: Lukács G. *Lenin and the class struggle*. Moscow: Algoritm Publ. (In Russian.)
- Ochkina, A. (2018). Education as Fictitious Capital: The Crisis of Social Importance of Knowledge. *Logos*, 28(6). (In Russian.)
- Raskov, D. E. (2016). N.I. Sieber as an armchair economic anthropologist. *Terra Economicus*, 14(4), 92–106. (In Russian.)
- Rezul, Ya. G. (1931). N.I. Sieber (bibliography). *Katorga i ssylka*, (7). 132–174. (In Russian.)
- Ruda, F. (2019). Marx in the cave, pp. 74–125 / In: Žižek, S., Ruda, F., Hamza, A. *Reading Marx*. Moscow: HSE Publishing House. (In Russian.)
- Schmitt, K. (2000). *Political Theology*. Moscow: Kanon-Press-Ts Publ. (In Russian.)
- Sieber, N. I. (1871). *The theory of value and capital of Ricardo with some of the later additions and clarifications*. Kiev. (In Russian.)
- Sieber, N. I. (2012). A few comments on the paper by Yu. Zhukovsky «Karl Marx and his book on capital», pp. 102–132 / In: Sieber, N. I. K. *Rodbertus-Jagetzow and His Economic Research: The Theory of State Socialism*. Moscow: LIBROKOM Book House. (In Russian.)
- Smith, D. N. (2001). The spectral reality of value: Sieber, Marx, and commodity fetishism. *Research in Political Economy*, (19), 47–66.